

АЛЕСЬ ЖАВРУК *

Погиб в конце августа 1942 г.

Белорусский поэт Алесей Жаврук (Александр Дмитриевич Синичкин) родился 19 августа 1910 г. в г. Сенно Витебской обл. В 1915 г. семья переезжает в Рогачев, где прошли детство и юность поэта. Окончив здесь школу и педтехникум, он учительствовал в Любанском районе Минской обл. В 1934—1939 гг. учился на литературном факультете Московского института истории, философии и литературы, по окончании поступил в аспирантуру Академии наук БССР. Учебу прервал из-за мобилизации в ряды Советской Армии.

Впервые стихотворения Алесия Жаврука появились в печати в 1926 г. В 1936 г. вышел его первый сборник «Ручаіны» («Ручьи»), в 1938 г. — «Дняпро выходзіць з берагоў». В соавторстве с Андреем Ушаковым (тоже погибшим в дни Отечественной войны в 1942 г. под Ленинградом) написал либретто первой белорусской музыкальной комедии «Зарэчны барок» (музыка С. В. Полонского) и ряд поэм для детей. В 1937 г. была написана поэма «Крывею сэрца» («Кровью сердца»), посвященная гражданской войне в Испании. Поэма хорошо была встречена критикой и читателями и оценена как лучшее произведение поэта.

С первых дней Великой Отечественной войны Жаврук на фронте в качестве корреспондента армейской газеты «В бой за Родину» (58 армия). В мае 1942 г. был принят в партию. Будучи участником обороны Сталинграда, работал в редакции газеты славной 62 армии «На защиту Родины».

Был тяжело ранен во время бомбежки, когда вынес из горящего дома раненую машинистку редакции и начал делать ей перевязку. Госпиталь, где находился Жаврук, эвакуировали из Сталинграда на баржах, и поэт погиб во время бомбардировки барж фашистскими стервятниками.

Точная дата его гибели остается неизвестной.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства БССР (ф. 5, оп. 1, ед. хр. 13) имеется письмо неустановленного лица сестре Жаврука, Раисе Дмитриевне Хомченко, о том, что Александр Синичкин был ранен 20 августа 1942 г. и отправлен в госпиталь, а 24 августа госпиталь эвакуировали в Саратов. Письмо датировано 21 сентября 1942 г. В письме Алесия Жаврука к жене от 23 августа 1942 г. о ранении ничего не говорится. Вероятно, и ранение и гибель поэта произошли не ранее 24 августа.

Имя Алесия Жаврука, как и других белорусских писателей, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, занесено на мемориальную доску в минском Доме писателей.

В 1960 г. в Белгосиздате вышел сборник его стихотворений «Выбранае» («Избранное»). В 1964 г. Минской телестудией поставлен фильм об А. Жавруке «Песня и вела и грела». Первая его демонстрация по телевидению состоялась 3 июля 1964 г., в дни празднования освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков.

Ниже печатаются несколько фронтовых стихотворений Алесия Жаврука, фрагменты из его записных книжек, а также письма к жене, Лидии Николаевне Синичкиной.

* Публикация К. С. Жоровой.

Письма публикуются с некоторыми сокращениями. Все эти рукописные материалы хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства БССР (ф. 5, оп. 1, ед. хр. 1 — стихи, ед. хр. 2 — записная тетрадь, ед. хр. 3 — записная книжка, ед. хр. 8 и 9 — письма).

ФРОНТОВЫЕ СТИХИ

АЛЕНКА

За ветряком, за соловьиным
Певучим логом,

в том бору,
Куда, бывало, по малину
С тобой ходили поутру;

Где в жаркий полдень нас, бывало,
В сосновых сенях лесника
Холодным квасом угощала
Алёнка, внучка старика, —

Мы вновь прошли по тем дорожкам,
Местам поруганным, родным.
Закат. У брошенной сторожки
Над мертвой девочкой стоим.

Лежит она, Алёнка наша
(Я лишь по косам узнаю!),
Коленки детские поджавши,
Лицом уткнувшись в колею.

Искусанною в кровь рукою,
Как бы от муки заслонясь,
И рядом платье простое,
В цветочки — втопанное в грязь.

Как до сих пор, земля, могла ты
Его держать, носить могла,
Какая мать такого ката,
Такого зверя родила,

Что мог так мучить, так глумиться
И, надругавшись, бросить так?!
Уничтожать, душисть, громить их,
Фашистских бешеных собак.

Закат в огне. Нахмурив брови,
Молчат бойцы, молчат братки.
А что тут скажешь, тут не слово,
Тут в дело просятся штыки.

Под молодой березкой тонкой,
Так, чтоб калины куст у ног,
Положим мы тебя, Алёнка,
Насыпем желтый бугорок.

А сами — в бой, вперед, товарищ, —
За всё, за всё ответит кат.
Как боль,

как гнев,

как наша ярость

Горит над соснами закат.

<1941—1942>

НА БОЛЬШАКЕ

Вдоль берез заиндевельх,
Мимо северной реки
Мчат и мчат поляной белой
Белые грузовики.

С деревушкой поравнявшись,
Ход сбавляет головной:
— Слышь, товарищ, где тут наши?
— Дальше! — машет часовой.

— Дальше, дальше! — У сосенки,
Раскрасневшись, точно мак,
Машет с ведрами девчонка,
Дует с холода в кулак.

— День весь били — здесь стояли,
К ночи все вперед ушли.
Гнали немца — вас не ждали...
Чай, снаряды привезли?

— Что мы возим — сами знаем...
Погоди, куда спешишь?
Значит, били, дорогая,
Крепко били, говоришь?

...Стоп машина! Скупо-скупо
В баках плещется бензин.
В новых валенках, в тулупах
Парни лезут из кабин.

Как один, плечисты други,
Разве им морозы в счет?
Хоть бывает часом туго —
Ночь, заносы — не берет.

Забуксует — и засела.
Всяк бывает. Да не страх:
На войне — известно дело —
Не у тещи на блинах.

...У цистерны шутки, споры.
— Кто что слышал, — говори.
— Да опять же новый город
В ночь отбит у немчуры.

— Мол, — с чего бегут вояки? —
«Фюрер» сам на фронт примчал.
Не понравилось собаке —
Живо удочки смотал.

— Мне б, братки, скажу открыто,
В кузов этого скота.
Я б, товарищи, бандита
Заморозил в полчаса.

— Вот консервы, погодите,
Огневые подвезем...
— Что ж вы мерзнете — стойте —
Говорите, как живем.

Парень к девушке подходит,
 Дескать, заняты сейчас.
 Но пройдет полгода-годик,
 С орденами ждите нас.

Всей колонной — в хату сватать,
 Только кончится война.
 Хороши, гляди, ребята!
 — Хороши, коль не женаты, —
 Соглашается она.

Холодна в ведре водица,
 Да у любушки такой
 Как тут парням не напиться —
 Все к воде наперебой.

Хоть назад иди девчонка —
 Сразу нету полведра...
 Но пора — война! Трехтонки
 Вдаль уводят шофера.

Словно выструган — обкатан,
 Звонек северный большак...
 Хороши и впрямь ребята,
 Тоже девка хороша.

Хороши в снегу березы,
 Леса узкая кайма,
 Хороша с ее морозом
 Наша русская зима.

Жестоки ее метели,
 Глубоки ее снега —
 Вьюгой взбитые постели
 Для заклятого врага.

<1941—1942>

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

Заготовки

Старуха: «И что это за немец? Бросает какие-то вспылчивые бомбы!»

Ехидный мужичок: «Что, товарищ командир, долго мы еще будем их заманивать к себе, немцев этих?»

Когда говорили слово «мужество», ездовой Петров всегда представлял себе комбата Сычева. Когда говорили «мастерство», он всегда представлял себе наводчика Сидорова.

Темы для новых стихов

Поле. Поговорка говорит: жизнь прожить — не поле перейти. Но у дер. Селиваново было такое поле, которое перейти, как жизнь прожить. И мы перешли.

«Стихи о газетчике».

На рассвете прибыл в штаб. Полковник: «Минуточку погодите. Идем в атаку». Газетчик тоже пошел. Когда двинулись и кричали «ура!», — он

АЛЕСЬ ЖАВРУК (А. Д. СИНИЧКИН)

Фотография, 1941—1942 гг.

Собрание Л. Н. Синичкиной, Минск

тоже кричал. Тоже колол, когда видел перед собою немцев. Ворвались в полусожженный город. После ходил и спрашивал, как взяли город (сам всё видел слишком индивидуально). Может быть, ранен. Диктует машинистке. Потом подходит к радиотехнику (девушке). Он, кажется, влюблен в нее. И о любви, если придется, он скажет ей после, а пока говорит: «Надеюсь, будешь девочкой хорошей и примешь хорошую сводку Информбюро».

Возвращался из разведки. Увидел раненого бойца. Поднял, перевязал, а после что-то мне подумалось спросить:

— Москвич?

— Москвич. На Усачевке большой красный дом.

— Братцы, да я же сам из этого дома. Вот так штука — как в кино получается. 10 лет жили рядом — и не были знакомы. А тут на войне стали лучшими друзьями.

И теперь пошли мы в атаку.

— Держись, сосед?

— Держусь, сосед!

Мы сдружились. Мы готовы умереть за родину, но надеемся вернуться в Москву и пить чай на Усачевке.

МОСКВИЧ И

Рассказ бойца

Я возвращался как-то из разведки.

Иду по лесу. Тишина в лесу.

Вдруг слышу шорох. Глянул из-за ветки —

Ползет ко мне с винтовкой на весу.

А кто — не разберу. Наверно немец.
Кому б еще? Я вскинул автомат.
Нет, вижу — свой. Звезда. Красноармеец.
И весь в крови. Такое дело, брат.

Перевязал его. Чуть отглотнул он
Воды из фляги — лучше стал с лица.
И что-то вроде как меня толкнуло —
Возьми я да спроси тут у бойца:

— Москвич? — И он мне сразу: — А то как же! —
Повеселел. Ну, просто не узнать.
— Москвич, браток, как бог, — шестизэтажный
Мой дом на Усачевке, тридцать пять.

— Постой, постой, — не удержался я тут, —
Совсем выходит что-то, как в кино.
Я ж там живу, на этаже на пятом —
На юг большое, в два окна окно.

— А я на третьем. Верно, не шучу я... —
Ну, вспоминать. И каждый о своем.
Кто слесарь был, семью имел большую.
И строил дом. И после зажил в нем.
А кто студентом бегал в кубовую
По лестницам пять лет за кипятком.

С тех пор сдружились мы — ну, братья — где там!
Как встретимся — конца беседам нет.
— Сосед, закурим, — достает кисет он,
— Закурим, как же, — говорю, — сосед.

Дымим махоркой. Вспоминаем оба,
Какая жизнь была! Да чёрт нагнал...
И сердце рвет клокочущая злоба
На сволочьё, кто жить нам помешал.

И в час атак, под пулеметным градом,
С товарищем, ломая немцам кряж,
Случалось нам не раз врываться рядом
В оторопевший вражеский блиндаж.

— Сосед, держись, — кричит он, — до победы! —
А сам гранатой в гадов сгоряча.
— Держусь, держусь! — ору сквозь дым соседу
И офицера ахаю с плеча.

А если трудно, — стиснув зубы, оба
Бежим, бежим под пулями вперед.
Нам сердце рвет клокочущая злоба,
Нас месть святая на врага ведет.

И мы за дело наше, братец, знаем,
Всегда готовы голову сложить.
Но только мы надежды не теряем
После победы вновь в Москве пожить.

И если быть тому — то в час желанный,
В кругу семейном всех друзей собрать!
Не маскируя окон. (Даже странно,
Что можно больше не маскировать!)
За эти дни поднимем мы стаканы
На Усачевке номер тридцать пять.

Из строя в роте вышли всего четыре солдата, а было пять.

Две самые любимые <вещи>:

1. Невеста.
 2. Смотреть, как падает сбитый стервятник.
-

24. VII. 42 г. Танки не прошли. Еще накануне отбили три атаки. Первая танковая атака в 4.00. Танки прошли передний край, ворвались в глубину обороны (60—70). Из них 12 остановились у КП. На ломаном русском языке: «Рус, сдавайся, а то живое мясо сделаю». Боец-стрелок Ковтун: «А гранаты не хочешь?» — и гранатой.

В эту атаку подбили танков и бронемашин штук 30—35. Вели огонь ПТР. Ст(анковые) пулеметчики взвода лейтенанта Сомикова в смотровую щель убили двух водителей (двух танков). Немцы взяли эти танки на буксир.

ПИСЬМА К ЖЕНЕ — Л. Н. СИНИЧКИНОЙ

1

4. VII. 1941 г.

Дорогая моя девочка!

Вот мы и воюем. Как видишь, я жив и здоров. До сих пор не было у нас адреса, да и писать сам тебе не мог. Теперь буду писать часто. Напиши мне поскорее, как ты, что ты. Кажется, уже целую вечность не получал от тебя писем.

Целую крепко мою хорошую.

Твой Ш у р а

Мой адрес: Действующая армия, полевая станция 515.
Штаб армии, редакция. А. Синичкину.

2

Москва, 8. XI. 41 г.

Дорогая Лидасинька!

Три дня был в Москве. В Дмитров выехать не имел возможности. Телеграфил тебе — ни ответа, ни привета. 12 ноября опять буду в Москве. Найти меня можно по адресу: Москва 1, Малый Козихинский, 12. кв. 25. Романенко Д. И. для Синичкина. Зайди туда в любой день, поговоришь, узнаешь обо мне.

Здесь, на Усачевке 35, я говорил с девочками, которые здесь остались жить. Очень хорошие, душевные они такие. Сочувствовали мне, говорили, что неделки две тому назад ты сюда заходила и говорила им, что «моего, наверно, убили». Лидася, как же нам найти друг друга? Я попробую писать тебе на Усачевку. (Надо же писать куда-нибудь!)

Может быть, ты когда-нибудь заглянешь в Москву или напишешь, чтобы тебе отсюда переслали адресованные тебе письма. Мой адрес (очень временный): полевая почта 736, п/я 153. Синичкину А. Д. Будет новый — сообщу.

Я был 21 день в тылу у немцев. Пришлось испытать очень многое. Но вот остался жив и здоров и даже не простудился. Все время беспокоился, думал о тебе. Приготовил тебе кучу денег, а куда переслать, не знаю. Горячий привет всем вашим.

Целую крепко, крепко.

Твой Ш у р а

3

17 апреля 1942 г.

... Ты спрашивала меня о стихах. Пишу помаленьку. А вообще пишу все, что придется. Пересылаю тебе одно стихотворение — «О встрече». Оно написано для тебя. А навеяла мне его весна и воспоминания о Днепре и потом о той высокой горе, где — помнишь — мы с тобой сидели. Ну, не горюй, еще когда-нибудь поживем счастливо. <...>

О ВСТРЕЧЕ

Опять апрель, и голубая
 Прозрачна дымка над землей.
 Теперь бы нам бродить,
 Родная,
 Так, взявшись за руки с тобой.

По талым тропкам, по знакомым
 Крутым днепровским берегам.
 Но день и ночь грохочут громы,
 Пылают села по ночам.

И глубоко запрятав нежность,
 Весь огрубев, озлобясь весь,
 Иду, иду по склонам снежным
 С винтовкою наперевес.

И если новый день встречаю
 В другой избе, в другом селе,—
 Пусть дальше ты,
 Но ближе — знаю —
 Забытый вечер на земле.

Без рева пушек, без картечи,
 И ближе Днепр, и соловьи,
 И город наш,
 И трепет встречи,
 И губы теплые твои.

4

9 мая 1942 г.

... Лидасинька, работать приходится много, но работа увлекательная, интересная. Веду юмористический отдел «Прямой наводкой», пишу (с продолжением) «Новейшие похождения храброго солдата Швейка», стихотворные рассказы о подвигах смекалистого и расторопного бойца Сени Пулькина. Пишу и очерки, изредка — лирические стихи. Одно из них называлось «О встрече». Посвящается тебе. Я его вырезал из газеты и послал тебе. Получила или нет? Получила ли ты несколько фото, которые я тоже послал тебе? На днях вышло еще. <...>

5

16 мая 1942 г.

Дорогая моя!

У меня большой праздник. Получил партийный билет. Жив, здоров, работаю. <...>

6

Ст. Донская. 12 июня 1942 г.

Дорогая моя жenuлинька!

Привет с Тихого Дона! С шолоховских мест. Вчера, как ехал сюда, попутчиками оказался колхозный театр станицы Вешенской, организованный шесть лет назад Шолоховым. Всю дорогу в поезде пели казачьи песни. У них замечательный баянист.

Сижу над самым Доном, и кажется, что сейчас с коромыслом и ведрами выйдет к реке Аксинья, и верхом на коне проскачет босоногий Григорий, такой, какой он у Шолохова в первой книге.

Сижу над Доном, и еще больней сжимается сердце за родной мой Днепр, за мою милую Белоруссию.

Ну, родная, ничего, мы отомстим фашистским собакам за все их зверства и злодеяния. Обязательно отомстим. Думаю часто, каждый день о тебе, очень скучаю.

Целую мою хорошую.

Твой Шура

7

4 июля 1942 г.

... Не знаю, где теперь мой Андрей Ушаков. Может быть, кто-нибудь из тех, с кем ты переписываешься, знает что-нибудь о его Тане? Вдруг пришла в голову мысль, и никак не могу успокоиться: где Андрей, что с ним? <...>

8

Сталинград. 12 июля 1942 г.

Дорогая моя!

Ну, кажется, хватит мне коптить небо по тылам. Уезжаю на фронт. Сегодня весь день ничего не делаю. Окна раскрыты. Доносятся звуки рояля. Кто играет и что играет — не знаю. Только что-то очень близкое. Эта музыка мне рвет сердце. Буду писать тебе часто, а то и каждый день. И ты мне пиши. Адрес мой ведь знаешь.

Ну, родная моя, пожелай мне успехов.

Целую крепко, крепко.

Твой Ш у р а

9

29 июля 1942 г.

... Как сама знаешь из газет и радио, здесь идут жестокие бои. Сегодня приехал Долматовский. Рассказывал о братьях-писателях белорусах. <...> Аркадий <Кулешов> на фронте. У меня все благополучно.

Весь твой Ш у р а

10

17 августа 1942 г.

У меня все по-прежнему. Положение напряженное, сама понимаешь — война. Высылаю тебе еще одно фото — редактор наш, Долматовский и я. Фото, конечно, аховское. Но ничего не поделаешь. <...>

11

23 августа 1942 г.

Дорогая моя жenuлинька!

Ну, спасибо тебе, большое спасибо за сына. Только что получил твое письмо. Перечитал его несколько раз. Вот радость какая, что все обошлось благополучно. Милошаша моя, смотри, береги теперь сыночка. Он мне, как и ты, дороже всех на свете. Как бы я хотел сейчас быть вместе с вами, расцеловать вас!

<...> Назови сыночка как хочешь, мне понравится. Очень рад буду, если Шурой. Ты, родная моя, раньше хотела назвать Дмитрием. Ну погоди, второго так назовешь.

Целую мою дорогую жenuлиньку и дорогого сыночка крепко-крепко. Пиши мне чаще, будьте, мои родные, здоровы — для меня это самое важное.

У меня все благополучно. Горячий привет всем вашим. Крепко-крепко целую.

Ваш Ш у р а